

В Северных покоях у Цзинчжэ не было особых трат, и за эти годы он сумел скопить немало денег. Часть из них ушла Чжэн Хуну, а оставшееся он отдал Миньюю.

Миньюй, получив деньги, был поражён.

— Зачем ты мне это даёшь?

— Если захочешь уйти из Северных покоев, придётся искать связи, а на это нужны деньги, разве нет?

— У меня есть деньги.

— Черта с два у тебя что-то есть! — отрезал Цзинчжэ.

Миньюй, редко получавший отповедь от Цзинчжэ, смущённо почесал щеку. Он не был транжирой, но и считать деньги не умел. Когда Цзинчжэ был рядом, то следил за его финансами. Но стоило ему уйти, как за несколько месяцев кошелёк Миньюя заметно похудел.

— Я всё обдумал, — с горечью сказал Миньюй. — Накоплю и верну тебе.

Цзинчжэ лишь махнул рукой, давая понять, что это неважно, и велел ему взять деньги.

Они сидели на корточках под навесом, молча глядя на падающий снег. Спустя некоторое время Миньюй нарушил тишину:

— Ты ведь пришёл не только для того, чтобы дать мне денег, верно?

— Это очень важная причина, — подчеркнул Цзинчжэ.

— Хорошо, это очень важная причина, — кивнул Миньюй. — Так теперь ты можешь назвать вторую?

Цзинчжэ снова замкнулся в себе.

Миньюй вздохнул и похлопал его по голове, надеясь, что это вызовет какую-то реакцию. Похлопывание плавно перешло в ласковое взъерошивание волос.

«Давненько я не трепал щенячью макушку Цзинчжэ, даже соскучился», — с ностальгией

подумал Миньюй.

— Если не расскажешь, — продолжил он, — я пойду и спрошу у твоего Жун Цзю.

— Это его не касается, — тут же ответил Цзинчжэ и добавил, качая головой: — Ты ведь даже не знаешь, где он.

— Не знаю, но мне и не нужно. Достаточно просто пройти перед дворцовой стражей, не так ли?

— Прямо там и помрёшь от страха, — пробормотал Цзинчжэ.

Он знал, что Миньюй беспокоится о нём и потому с необъяснимой настороженностью относится к Жун Цзю. Раньше он даже посмеивался над ним, говоря, что тот из-за красивого лица сам навлёк на себя беду. Тогда Цзинчжэ считал, что Миньюй зря паникует.

Но он и представить не мог, что Жун Цзю... кхм, что опасения Миньюя окажутся правдой.

Неужели он и впрямь так падок на красивые лица?

Осознать, что попал в ловушку, только когда уже оказался на пиратском корабле... хм, так говорить нехорошо... в конце концов, в некотором смысле пострадавшей стороной был Жун Цзю.

Каким бы ни был Жун Цзю на самом деле, их недолгое общение не изменило его сути. Людям трудно изменить себя, не говоря уже о том, чтобы изменить других.

Хотя Цзинчжэ и не одобрял его жестоких методов, он никогда не думал, что сможет его переделать.

Подперев подбородок рукой, он медленно произнёс:

— Мы с ним помирились.

Миньюй не удивился. Цзинчжэ был преданным и сентиментальным.

Он мог годами пользоваться вещами, пока те не изнашивались до дыр, но всё равно не выбрасывал их. В юности денег не было, и экономия была необходимостью, но он и без того был более привязчив к вещам и людям, чем другие.

Взять хотя бы их дружбу. Миньюй был близок с Цзинчжэ и мог доверять ему свои тайны,

потому что в детстве, когда Цзинчжэ обижали, он за него заступился.

Тогда Цзинчжэ только поступил во дворец и тяжело заболел. Другие молодые евнухи думали, что он не выживет, но он выкарабкался.

После болезни у него часто отбирали еду и питьё. Ослабевший, он не мог дать отпор. Именно тогда Миньюй, не выдержав, разогнал обидчиков.

Он был маленького роста, но силы ему было не занимать!

Маленький Миньюй поднял с земли упавшую лепёшку и протянул её чумазому Цзинчжэ.

— Немного испачкалась, но есть можно.

Это был их первый разговор.

Цзинчжэ тихо поблагодарил его, взял еду и, даже не стряхнув пыль, принялся отщипывать маленькие кусочки и есть.

Вскоре Миньюй заметил, что его работы потихоньку становятся меньше.

Несколько дней он выслеживал таинственного помощника и наконец поймал Цзинчжэ с поличным. Оба были упрямы и не любили оставаться в долгу. Так, помогая друг другу, они незаметно стали друзьями.

Со временем они узнали друг о друге всё.

Цзинчжэ, многое потерявший в прошлом и имевший так мало, с одержимостью защищал то, что считал своим — будь то вещи или люди.

Миньюй не сомневался: случись с ним беда, Цзинчжэ убьёт ради него.

При этой мысли он снова яростно взъерошил волосы Цзинчжэ и искренне сказал:

— Если он тебе нравится, то будьте вместе, это неплохо. Но что, если... он окажется не просто стражником?

Судя по поведению Жун Цзю, он не мог быть обычным стражником. Такой человек не стал бы действовать так безрассудно.

Люди их положения не слишком радовались, узнав о высоком статусе своего возлюбленного.

По крайней

мере, Миньюй знал, что Цзинчжэ — точно нет.

Родители Цзинчжэ, как говорили, были любящей парой. Они вместе покинули родные края, родили двоих детей и никогда не ссорились.

У Цзинчжэ не было больших амбиций, он не гнался за богатством. Для него величайшим счастьем было бы тихо и мирно прожить жизнь с любимым человеком, как его родители.

— Твой вопрос хорош, но в следующий раз не задавай его... Неравный брак... я прямо слышу, как матушка крутит мне ухо.

Он пробормотал это себе под нос.

В юности начальник Цэнь Сюаньиня очень ценил своего подчинённого и даже подумывал выдать за него свою побочную дочь. Хоть и от наложницы, но её статус был несравненно выше, чем у Цзинчжэ. К тому же, оба были ещё молоды, и можно было договориться о помолвке заранее.

Отец вернулся домой и обсудил это с матерью. Госпожа Лю долго думала, но решила, что это плохая идея.

Неравный брак непременно приведёт к беде.

Дочь знатного чиновника, выйдя замуж за простого служащего, вряд ли будет счастлива и вряд ли сделает это по своей воле.

Семья Цэнь не была знатной.

Госпожа Лю больше хотела, чтобы в будущем Цзинчжэ женился на девушке, которую полюбит сам. Пусть и не из знатного рода, но чтобы она хорошо к нему относилась.

Поэтому отец отказал своему начальнику.

А потом...

В глазах Цзинчжэ вспыхнула ненависть.

В семье Цэнь случилось несчастье.

Тем начальником был Хуан Цинтянь.

Госпожа Лю была права. Это действительно привело к беде.

Ему нравился Жун Цзю. Нравился Жун Цзю-стражник, который отвечал ему взаимностью.

Но такие хрупкие чувства... Впрочем, что загадывать. Поживём — увидим.

Миньюй, не желая видеть его подавленным, сменил тему:

— Ладно, если дело не в Жун Цзю, то в чём?

Пока Жун Цзю не вредил тем, кто дорог Цзинчжэ, тот, со своей дурацкой привязанностью, вряд ли смог бы с ним расстаться.

По крайней мере, не сейчас.

А что до...

Миньюй потёр гладкий подбородок. Цзинчжэ так щепетильно относился к равенству. А Жун Цзю всё меньше походил на простого стражника. Однажды его истинный статус может всплыть наружу и до смерти напугать кого угодно.

Вот только... Жун Цзю не казался тем, кто... отпустит по-хорошему...

Неудивительно, что Миньюй беспокоился. И всё из-за того, что Цзинчжэ был безнадежным ценителем красоты!

Цзинчжэ, не зная о мыслях друга, скопировал его жест, потёр подбородок и медленно произнёс:

— Если... ты знаешь, что человек — злодей, но при этом он очень талантлив, и, оставшись в живых, он может принести много пользы... но я всё равно считаю, что он должен умереть... Мои мысли... они неправильные?

— Какое зло? — спросил Миньюй.

— Присвоил деньги, предназначенные для помощи голодающим, убил хорошего человека,

который честно выполнял свою работу, грабил других... — не успел он договорить, как Миньюй сделал резкий жест, проведя рукой по горлу.

— Конечно, убить.

— Я не силен в высоких материях, — добавил Миньюй. — Но если его не убить, как быть с теми, кого он погубил?

Это было простое, но сильное чувство справедливости.

На лице Цзинчжэ появилась слабая улыбка.

— Как хорошо, — тихо сказал он. — Я тоже так думаю.

Он похлопал себя по одежде, стряхивая снег, и, потянувшись, встал.

— Мне скоро пора возвращаться.

— У тебя уже был ответ, зачем ты спрашивал меня? — сказал Миньюй, не уточняя, почему Цзинчжэ задал такой странный вопрос.

— Всё-таки за это придётся заплатить, нужно было подумать, стоит ли оно того.

Но на самом деле он колебался лишь мгновение.

У него не было возможности влиять на придворных чиновников, да и если бы была... смог бы он пойти против совести?

Такому, как Би Синьянь, лучше умереть в тюрьме.

***

— Разведали?

Глубокой ночью Мэн Чжунтун, припав к земле, прятался под деревом. Кроме него, в тени скрывалось ещё несколько человек.

— Разведали. Завтра они будут проезжать здесь.

Это доложил только что вернувшийся лазутчик.

Лицо Мэн Чжунтуна озарилось радостью. Он хлопнул по земле и сел. Раз они ещё не прибыли, можно не таиться.

— Засада — это хорошо. Вы все, соберитесь с духом. Завтра за работу, нужно вытащить этого человека.

Пока он говорил, его люди согласно кивали.

Когда все разошлись отдыхать, к Мэн Чжунтуну подошёл его заместитель, сообразительный парень, и тихо спросил:

— Главарь, это же правительственный конвой. Если мы нападём, власти ведь начнут на нас охоту.

Они, конечно, занимались грабежом торговых караванов, но их горное логово было неприступным, и властям было нелегко до них добраться.

Каждый раз после налёта они разбегались по горам, жили там год-полтора, а потом снова выходили на дело. Власти не могли их поймать.

Но на этот раз они спустились с гор, покинули знакомую территорию ради такого опасного дела. Заместитель боялся, что они не справятся.

Мэн Чжунтун ценил его и, услышав вопрос, не рассердился. Он тоже понизил голос:

— Если бы у тебя появился шанс начать новую жизнь, жить открыто, ты бы отказался?

Заместитель причмокнул губами. Конечно, нет.

Жизнь на острие ножа была захватывающей, но кто не мечтает о покое?

Вот только их имена и лица были известны властям. Даже если они сложат оружие, никто не поверит в их раскаяние, как в буддийских притчах.

Если они сложат оружие, их ждёт тюрьма и смерть.

На это они не согласны.

Мэн Чжунтун с силой хлопнул подчинённого по плечу.

— Не волнуйся. Как только мы провернём это дело, наши имена будут чисты.

Иначе он бы не пошёл на такой риск.

Грابتь караваны — одно, а нападать на правительственный конвой — совсем другое.

Больше они не разговаривали, решив копить силы для завтрашнего дня.

На следующий день, как и ожидалось, здесь проезжал конвой. Несколько солдат охраняли повозку-клетку, в которой сидел мужчина лет тридцати-сорока.

Мэн Чжунтун, убедившись, что это тот самый человек, хищно улыбнулся и подал знак. Началась заранее спланированная засада.

Через полчаса Мэн Чжунтун лично осмотрел каждое тело, удостоверившись, что все мертвы. Затем он взял тесак и разрубил цепи на клетке.

Би Синьтянь, обезумевший от страха, ошеломлённо смотрел, как чьи-то руки вытаскивают его из повозки и бросают лицом на землю.

— Главарь, мы потеряли четверых.

Смерть товарищей не радовала. Мэн Чжунтун недовольно кивнул и приказал обыскать тела.

Забрав всё ценное, они убили лошадей, столкнули тела и повозку с обрыва и, забрав Би Синьтяня, быстро скрылись.

Мэн Чжунтун был осторожен. Он отправил своих людей с добычей в укрытие, а сам с заместителем пошёл на встречу.

Прождав на условленном месте лишних полчаса, Мэн Чжунтун едва сдерживал гнев, когда наконец появился тот, с кем была назначена встреча.

Увидев, что это тот же человек, что и в прошлый раз, Мэн Чжунтун немного успокоился, но недовольство осталось.

— Мы договаривались о времени, я привёл человека. Почему вы так опоздали?

Они рисковали жизнью!

Такое отношение к сделке вызвало у Мэн Чжунтуна дурное предчувствие. Он слишком часто бывал на грани смерти и знал, что такие предчувствия не обманывают.

Он невольно схватился за рукоять меча.

Его заместитель, хорошо знавший эту реакцию, тут же выхватил свой клинок.

Пришедший был низкорослым, полным мужчиной с двумя охранниками.

Он с улыбкой обратился к Мэн Чжунтуну:

— Главарь Мэн, простите, простите. Я готовил для вас большой подарок, потому и задержался.

Он махнул рукой, и один из охранников принёс из повозки большой ящик.

Мгновение спустя ящик стоял перед Мэн Чжунтуном.

Дурное предчувствие усилилось. Он бросил взгляд на заместителя, и тот отступил назад, загородив Би Синьтяня.

Теперь этот человек был их заложником.

На таком расстоянии, если бы те дёрнулись, заместитель мог бы убить его в мгновение ока.

Сделка сорвалась — заложник умрёт.

Им было не впервой.

Щёлк.

Мэн Чжунтун открыл ящик, вскочил, и его лицо исказилось от ярости.

В ящике лежали головы его людей!

Всех, кто ещё недавно был жив.

— А Син, убей его! — прорычал Мэн Чжунтун.

Вжик!

Заместитель, не оборачиваясь, взмахнул мечом, целясь в шею Мэн Чжунтуна.

Брызнула кровь.

Мэн Чжунтун никогда не думал, что его предаст товарищ.

На всех переговорах он безгранично доверял заместителю свою спину, и никогда не думал, что однажды получит удар именно оттуда.

Движение А Сина было быстрым и смертоносным. Мэн Чжунтун умер мгновенно, с выражением недоумения на лице.

Полный мужчина рассмеялся и захопал в ладоши.

— Храбрец А Син, спасибо за сведения. Иначе мы бы не так скоро узнали, где прячутся твои товарищи.

А Син, с непроницаемым лицом, убрал меч и толкнул Би Синьтяня к полному мужчине.

— Сделка.

Полный мужчина хлопнул в ладоши, и ему подали другую, маленькую шкатулку.

— Здесь новые документы. Отныне ты можешь свободно входить в города, никто тебя не проверит. Все приказы о твоём розыске отменены.

А Син молча кивнул и взял шкатулку.

Эта сделка была похожа на ту, что предлагали Мэн Чжунтуну, но с одним существенным отличием.

Сделка Мэн Чжунтуна была обманом.

А Син с самого начала знал, что это билет в один конец. Кто бы ни договаривался с Мэн Чжунтуном, они вряд ли оставили бы его в живых.

— Храбрец А Син, — окликнул его полный мужчина, когда тот собрался уходить.

А Син развернулся, сверкнув оружием.

— Ты тоже хочешь меня убить? — хрипло спросил он.

Полный мужчина, глядя на приставленный к его горлу клинок, улыбнулся.

— Конечно, нет. Просто у меня есть другое предложение... Не желаете ли выслушать?

Человек, который по обрывкам фраз смог восстановить всю картину, предвидеть исход, найти способ связаться с ними в обход Мэн Чжунтуна и уничтожить всю свою шайку...

Такой безжалостный, решительный и хитрый человек вызвал у полного мужчины желание завербовать его.

Иначе зачем бы он, убив столько людей, оставил в живых одного лишь А Сина?

Такими людьми трудно управлять.

Но, как и в случае с Би Синьтянем, если использовать их правильно, они могут стать острейшим клинком.

***

Через полмесяца принц Жуй получил известие.

— Ха-ха-ха... — он смеялся и кашлял, выплёвывая сгустки крови. — Хорошо, хорошо.

Он был рад.

Придворный лекарь подошёл к нему.

— Ваше высочество, не двигайтесь так резко.

Десять дней назад на них напали. Принц Жуй едва не погиб, ранение пришлось в живот. Чем ближе они подъезжали к его землям, тем яростнее становились атаки.

До места оставалось два дня пути, и все были начеку, боясь нового нападения.

Принц Жуй вытер кровь с губ и громко рассмеялся.

— Нет, ты не понимаешь.

Для него отъезд из столицы изменил многое.

А это означало, что «воспоминания» можно изменить!

Лекарь беспомощно вздохнул. Да, он не понимал.

Он наклонился, чтобы обработать рану принца, и в тот же миг чьи-то руки сжали его горло.

Тяжело раненный принц Жуй, смеясь и истекая кровью, душил его.

— Отравление? Неплохой способ.

Не успел принц сломать ему шею, как лекарь беззвучно обмяк.

Он отбросил тело. Оно покатилося по земле, изо рта потекла чёрная кровь.

Тут же подошли люди, чтобы убрать труп.

Ван Чжао с тяжёлым вздохом подошёл к принцу.

— Ваше высочество, на этот раз император действовал куда безжалостнее, чем ожидалось. Похоже, он действительно хочет вашей смерти.

— Нет, — неожиданно покачал головой принц. — Его Величество... ещё не взялся за дело всерьёз.

Ван Чжао замер. Если такие нападения не считать серьёзными, то что же тогда считать смертельной угрозой?

Принц Жуй, вспоминая «прошлое», тихо проговорил:

— Если бы он действительно хотел, то, ха-ха, не пожалел бы и своей жизни, лишь бы всё сжечь дотла. А это... так, закуска.

Ван Чжао молча смотрел, как принц, говоря это, продолжает смеяться.

Не только император Цзинъюань был жесток, принц Жуй, похоже, тоже был немного не в себе.

Как бы то ни было, его владения были уже близко. Если они продержатся последние два дня, то будут в безопасности.

***

Путь был долог, и новости передавались с большим трудом. С юга на север они могли идти месяцами. Даже с гонцами на это уходило не меньше десяти дней.

К тому времени, как Вдовствующая императрица получила известие о прибытии принца Жуя в свои владения, в столице уже несколько раз выпал сильный снег. Весь Запретный город был укутан в серебристо-белое покрывало, и пронизывающий холод заставлял дрожать.

Зима в этом году была холоднее, чем в прошлом.

Но во дворце Шоукан было тепло, как весной.

Вдовствующая императрица читала письмо.

Рядом несколько придворных дам либо массировали ей колени, либо разминали плечи, а одна выбирала для неё фрукты.

Но эту мирную картину в следующий миг нарушила сама императрица.

Она внимательно перечитала письмо сына, и на её лице отразился гнев.

Принц Жуй действительно прибыл в свои владения, но его туда внесли на носилках. Местные лекари несколько раз вытаскивали его с того света.

Прочитав это, Вдовствующая императрица пришла в ярость.

Она была так зла, что готова была ворваться во дворец Цяньмин и расцарапать лицо Цзинъюаню.

Сделав несколько прерывистых вдохов, она с трудом подавила гнев. Перечитав письмо ещё раз и убедившись, что сыну становится лучше, она наконец немного успокоилась.

В любой другой ситуации она бы уже разнесла всё вокруг.

Но на днях её навещала старая госпожа Хуан. Вдовствующая императрица никого не боялась, кроме своей матери.

Старая госпожа Хуан, хоть и поседела, не утратила своей властности, и перед ней императрица всегда чувствовала себя маленькой девочкой.

Госпожа Хуан сказала немного, но указала на то, что ненависть императора к принцу Жуя исходит от самой Вдовствующей императрицы.

Тогда та возмущённо возразила:

— Мой сын едва не стал императором, Хэлянь Жун этого не забудет. Он ненавидит моего сына именно поэтому. Матушка, как вы можете говорить, что это моя вина?

Вдовствующая императрица была уверена, что всё делает ради сына, и не могла намеренно ему вредить.

— Не твоя? — резко ответила госпожа Хуан. — Тогда зачем ты позволила семье Хуан принять эту Хуан Ицзе? Ты ведь позарилась на её родословную, на её умение управлять насекомыми-гу и ядами.

— Но... я ведь ничего не сделала...

— Довольно, — ледяным тоном прервала её госпожа Хуан. — Ваше величество, семья Хуан достигла своего положения не только благодаря вам, но и благодаря существованию принца Жуя. Если с ним что-то случится, и вы, и семья Хуан потеряете опору.

Глаза старухи почти ослепли, но разум оставался ясен.

— У принца Жуя сейчас недостаточно сил. Ваши необдуманные действия — это самоубийство!

Получив нагоняй от матери, Вдовствующая императрица была недовольна, но к её словам всё же прислушалась.

Нынешний Цзинъюань был уже не тем беззащитным принцем, которого можно было лепить, как глину. Став императором, он обрёл власть, способную сокрушить любого.

Раз уж они не убили его до восшествия на престол, теперь это было почти невозможно.

Вдовствующая императрица понимала это, но смириться не могла.

Её мысли метались. С трудом подавив гнев, она снова взглянула на письмо и задумалась о Цзинъюане.

С момента его восшествия на престол в гарем было принято много наложниц, но, по её наблюдениям, император не проявлял интереса к большинству из них. По-настоящему близки с ним были лишь немногие.

А те наложницы, что служили ей, по её сведениям, все оставались девственницами.

Хоть гарем и был полон, Цзинъюань вёл почти монашеский образ жизни, не притрагиваясь ни к одной из них. Соответственно, и наследников у него не было.

И Фэй Дэ, и Бинь Сюй беспокоились об этом. Выйдя замуж за императора, они уже никогда не покинут дворец. Без сына или дочери что их ждёт в будущем?

Хоть они и служили Вдовствующей императрице, их интересы не всегда совпадали.

Они хотели иметь своих детей.

Вдовствующую императрицу это устраивало. Чем дольше у Цзинъюаня не будет наследников, тем неустойчивее будет его трон. Через несколько лет придворные начнут роптать.

А что до... слов Хуан Ицзе о том, что у него есть возлюбленная...

Вдовствующая императрица перебрала в уме весь гарем, но не нашла никого, кто подходил бы на эту роль. Все наложницы были выбраны ею, и за ними следили её люди. Она ни разу не видела, чтобы император тайно встречался с кем-то из них.

Она не думала, что Хуан Ицзе обманывает её.

Вся её семья была в руках Вдовствующей императрицы. Если только она не была готова пожертвовать ими, она не посмела бы предать.

Если слова Хуан Ицзе — правда... то это не наложница, а... служанка?

На лице Вдовствующей императрицы появилось брезгливое выражение. Отвергать знатных наложниц ради какой-то служанки?

Но это, по крайней мере, было направлением для поисков.

Если бы только она могла подослать своих людей к императору, не пришлось бы так мучиться с догадками.

Подумав, она подозвала одну из придворных дам и отдала ей распоряжения.

***

— Слыхали? Большое делостряслось.

В тот день Шиэнь говорил с ними преувеличенно-драматическим тоном.

После целого дня работы Цзинчжэ и остальные умирали от голода и ели, не поднимая голов. Только Хуэйпин взглянул на него.

Их кормили дважды в день.

Один раз — утром, после работы, второй — после полудня, за полтора часа до заката.

В семнадцать-двадцать лет все были прожорливы, особенно после тяжёлого труда.

Все уплетали за обе щеки, не отрываясь от мисок.

Шиэнь был недоволен такой реакцией. Он хлопнул Цзинчжэ по плечу и пожаловался:

— Цзинчжэ, почему ты даже головы не поднимаешь?

Цзинчжэ отчаянно застучал себя по груди.

— Подавился, — прохрипел он.

Он как раз пытался проглотить большой кусок, а тут ещё Шиэнь его хлопнул. Чуть не задохнулся.

Шиэнь испугался и тут же подал ему горячей воды. Цзинчжэ сделал несколько больших глотков и наконец отдышался.

— Так что случилось?

Он огляделся. Все по-прежнему усердно ели. Похоже, случившееся их не касалось.

И действительно, как и предполагал Цзинчжэ, это дело не имело к ним прямого отношения.

Оно касалось служанок.

В гареме служанки считались чуть выше евнухов. Ненамного, конечно, но их происхождение было лучше — во дворец брали только девушек из порядочных семей.

После поступления на службу, независимо от ранга, в двадцать пять лет они могли покинуть дворец, если только их не удерживал какой-нибудь знатный господин.

Кроме того, служанка могла выбиться в люди, став наложницей, или же сделать карьеру, дослужившись до придворной дамы или главной матушки.

Последнее было целью многих.

Но для любого из этих путей служанка должна была быть девственницей.

— Говорят, во дворце Юннин скандал, — понизил голос Шиэнь. — Евнуха и служанку застали за тайной связью. Фэй Кан упала в обморок, Вдовствующая императрица в ярости, и сейчас... идёт проверка.

Говоря это, он говорил ещё тише.

Дело было щекотливое.

Что означает «проверка», все понимали. Если что-то обнаружат, не говоря уже о наказании, можно было и жизни лишиться.

По крайней мере, тех голубков уже забили палками до смерти.

После еды все разошлись.

Цзинчжэ заметил, что Юнькуй идёт за ним. Вспомнив слова Шиэня, он замедлил шаг и подождал его.

Юнькуй огляделся и тихо сказал:

— Я ещё вчера об этом узнал.

Это было неудивительно.

Ведь наставником Юнькуя был Цзян Цзиньмин.

Узнав о случившемся, Цзян Цзиньмин наверняка использовал это как поучительный пример

для Юнькуя, чтобы предостеречь его от ошибок.

В голосе Юнькуя слышалось облегчение.

— Раньше я ненавидел эти правила, считал их... несправедливыми. Но теперь понимаю, что это, наоборот, к лучшему.

Цзинчжэ взглянул на него.

— Ты поговорил с начальником управления Цзяном?

Юнькуй удивился, но тут же понял, о чём речь.

— Ты... как ты узнал?

— С самого вчерашнего дня начальник какой-то невесёлый.

Юнькуй хотел перейти в Управление по закупкам.

Во дворце, если ты не занимал высокого поста, только служащие этого управления могли выходить наружу во время закупок.

Это было прибыльное место, и желающих туда попасть было много. Даже Юнькую это было нелегко.

— Наставник замолвил за меня словечко, — понизив голос, смущённо признался Юнькуй.

Если не случится ничего непредвиденного, его переведут.

— Начальник управления хорошо к тебе относится, — кивнул Цзинчжэ.

Хотя во дворце многие искали себе наставников и «крёстных отцов», таких, как Цзян Цзиньмин, который относился к Юнькую как к родному сыну, было очень мало.

— Я знаю. Я буду заботиться о нём до конца его дней.

По обычаю, усопшему нужен был кто-то, кто нёс бы гроб и разбивал бы погребальную урну. Люди, не имеющие корней, не имели на это права. Но Цзян Цзиньмин был евнухом, и его это не волновало. У него не было детей, и он воспитывал Юнькуя как собственного сына. Когда придёт его час, Юнькуй проведёт его в последний путь, и это будет достойным завершением их

отношений.

Слушая Юнькуя, Цзинчжэ почувствовал лёгкую зависть.

Не к тому, что у Юнькуя был влиятельный наставник, а к их отеческим отношениям, лишённым корысти.

Разговор зашёл о другом.

— Через полмесяца аттестация, — спросил Юнькуй. — Как готовишься?

— Как идёт, так и идёт, — беззаботно ответил Цзинчжэ.

Он не волновался, а вот Юнькуй — да.

— Ты так не можешь, тебе уже двадцать!

Цзинчжэ потёр мочку уха.

— Дворцовые правила я давно выучил. А что до остального — узнаем в день экзамена. Что я тебе сейчас скажу?

Аттестация была и простой, и сложной одновременно.

Основой были дворцовые правила, которые все должны были знать наизусть с самого начала службы.

Сложность заключалась в том, что каждый год задания менялись. Но для обычных слуг, желающих стать евреями низшего ранга, это было не так уж трудно.

Главное — чтобы были свободные места.

А в Северных покоях даже не было квоты на участие в аттестации.

Раньше Цзинчжэ было бы трудно получить это место.

Он был новичком.

Хотя в Управлении по надзору за дворцовыми залами у него были хорошие отношения, он не

мог отбирать место у друзей.

Но Юнькуй хотел перейти в Управление по закупкам.

И он решил этот вопрос через Цзян Цзиньмина.

— Юнькуй, тебе не нужно так поступать, — вздохнул Цзинчжэ. — Ты мне ничего не должен.

Он повторял это снова и снова.

Когда-то он помог Юнькую из чистой жалости. Но та помощь, которую Юнькуй оказал ему в ответ, была уже более чем достаточной.

— Жалеть могут многие, но помочь — единицы. Цзинчжэ, ты не понимаешь. Ты... спас и меня, и её.

В этом мире к женщинам относились сурово. Проверка, устроенная Вдовствующей императрицей, была унижительной. А те, кто терял невинность, всегда сталкивались с большими трудностями, чем другие.

Хоть правительство и поощряло повторные браки, всегда находились те, кто считал, что женщина не должна покидать дом мужа. Обо всём этом Юнькуй раньше не думал. Лишь недавно, через Управление по закупкам, ему удалось связаться с ней... и он узнал, что перед уходом из дворца она хотела покончить с собой.

Если бы он тогда не настоял на своём, что бы было сейчас?

Юнькуй боялся даже думать об этом.

Услышав это, Цзинчжэ тоже испугался. Он не хотел, чтобы кто-то из-за этого погиб.

— Твой поступок тогда... всё-таки причинил ей вред, — тихо сказал он.

Юнькуй с досадой взъерошил волосы.

Они поговорили ещё немного. Юнькуй велел Цзинчжэ хорошо готовиться и ушёл.

Цзинчжэ, разминая занемевшую правую руку, пошёл к себе.

Обычно после ужина, если не было приказаний от начальства, у них было немного свободного

времени.

Цзинчжэ использовал это время, чтобы сшить комплект нижнего белья.

Это было куда сложнее, чем перчатки. Чтобы швы были ровными, он долго тренировался.

Только Хуэйпин, живший с ним в одной комнате, знал об этом.

Но он не задавал лишних вопросов, думая, что Цзинчжэ шьёт для себя.

Цзинчжэ, потирая правое плечо, уже собирался войти, как заметил, что в комнате кто-то есть.

Он удивился, огляделся и, как вор, проскользнул внутрь, тут же закрыв дверь и окна.

— Ты что, вор? — поднял бровь Жун Цзю.

Цзинчжэ потерял дар речи.

Это он прятал вора!

Он хотел что-то сказать, но увидел в руках Жун Цзю одежду и тут же покраснел.

— Ты... как ты это нашёл?

Это был его первый, самый неудачный опыт.

Цзинчжэ так и сяк вертел ту вещь в руках, и в итоге решил носить сам.

Хоть и великовато, но сойдёт.

— Оно само лежало у тебя в изголовье.

Цзинчжэ вспомнил. Вчера он постирал бельё и развесил. Видимо, днём заходил Хуэйпин и убрал его.

— ...Ладно.

Цзинчжэ почувствовал, что слишком остро реагирует, и попытался успокоиться. Тот комплект, над которым он работал сейчас, был недошит и лежал в большом сундуке.

Жун Цзю, от нечего делать, вряд ли стал бы рыться в его вещах.

Безопасно.

— Почему ты всегда приходишь так тихо? — спросил Цзинчжэ.

— У меня такое чувство, что ты не хочешь, чтобы меня видели, — неторопливо произнёс мужчина.

Цзинчжэ напрягся.

Но тут же расслабился.

Он с досадой заметил это и украдкой взглянул на Жун Цзю. Лицо того снова помрачнело.

Цзинчжэ почувствовал себя обиженным. Он тут ни при чём.

Он не боялся Жун Цзю, но его тело реагировало инстинктивно. Что он мог поделать?

Жун Цзю протянул руку, и Цзинчжэ послушно подошёл и обнял его.

— Ты ведь раньше приходил сюда с командиром Вэем по делам?

Он боялся, что кто-то мог запомнить лицо Жун Цзю, и это вызовет ненужные разговоры.

Цзинчжэ не спрашивал, что случилось с У Дэ и У Фу, и как в тот день всё разрешилось.

Тот случай прошёл незаметно, оставив лишь небольшой след.

Цзинчжэ стал немного побаиваться Жун Цзю.

Но это был не страх, а скорее инстинктивная реакция...

Когдаходишь к хищнику, даже зная, что он тебя не тронет, тело всё равно реагирует на опасность.

Это было едва заметно.

Но Жун Цзю был невероятно проницателен. Каждый раз, когда он это замечал, Цзинчжэ знал:

тот снова будет недоволен.

Цзинчжэ со вздохом повис на нём, размышляя, что же делать.

— Я убил У Дэ, потом пришёл Вэй Хайдун и заодно разобрался с У Фу, — ровно произнёс Жун Цзю. — Меня никто не видел.

Цзинчжэ склонил голову набок, их лица оказались совсем близко.

— Цзинчжэ, почему ты не спрашиваешь? — в голосе Жун Цзю слышалось то ли любопытство, то ли искушение. — Ты, кажется, совсем не интересуешься моими делами.

Цзинчжэ снова напрягся.

Как же это раздражало. Почему его тело так чувствительно к опасности?

— Знать слишком много — не к добру.

Он не хотел этого говорить, но раз уж Жун Цзю спросил, пришлось ответить честно.

— Почему?

— Ты мне нравишься, я хочу быть с тобой. Мне не нужны ни твои деньги, ни твоя власть. Мне и так хорошо, зачем думать о лишнем? — медленно говорил он, осторожно перебирая волосы Жун Цзю.

Ему так нравились его волосы.

Шелковистые, гладкие, чёрные как смоль.

И на ощупь очень приятные.

У самого Цзинчжэ волосы были не очень: сухие и немного желтоватые. Если бы не шапка, он бы стеснялся их показывать.

— Не хочешь знать или боишься?

Голос Жун Цзю стал ледяным, как у призрака, и в нём слышалась угроза.

— Какая разница?

Он с тоской снова коснулся его волос и со вздохом сказал:

— Слишком любопытные умирают первыми.

Не успел он договорить, как Жун Цзю поднял его и посадил на стол. Послышался грохот — вещи посыпались на пол.

Звук был довольно громким, и тут же слышался голос снаружи:

— Цзинчжэ, что случилось?

— Ничего, я случайно задел стол и разбил кувшин... — не успел он договорить, как Жун Цзю сжал его подбородок.

— А, ну ладно, будь осторожнее, не порежься.

Голос за дверью стих, и в комнате стало странно тихо.

Цзинчжэ, боясь, что Жун Цзю рассердился, обнял его за шею. Тот не оттолкнул, и это был хороший знак.

— Жун Цзю, о чём ты беспокоишься? — тихо спросил он.

Он прокрутил в голове свой ответ, но не нашёл в нём ничего предосудительного.

К тому же, Жун Цзю, когда они только познакомились, сам упоминал о своей семье.

Говорил, что родители умерли, оставив небольшое наследство, и он пошёл во дворец, чтобы добиться успеха. Дослужиться до дворцовой стражи — вполне возможно.

Конечно, в последнее время Жун Цзю был щедр, и Цзинчжэ догадывался, что «небольшое наследство» было весьма значительным.

Но его это не касалось.

Поэтому он действительно не понимал, из-за чего тот злится.

Он поцеловал Жун Цзю.

И ещё раз.

Как птенец, клюющий зёрнышки. И потёрся щекой.

Жун Цзю прищурился, его тёмные глаза зловеще сверкнули. Цзинчжэ серьёзно посмотрел в ответ.

Казалось, он очень боится его рассердить.

Но при этом продолжал свои маленькие хитрости.

Жун Цзю опустил взгляд. Пусть не думает, что он не заметил, как тот за его спиной тайком гладит его волосы.

Странный гнев немного утих. Жун Цзю выпрямился.

Он снял головной убор, и шелковистые волосы рассыпались по плечам. В его руке откуда-то появился острый кинжал, и он отрезал прядь.

Цзинчжэ изумлённо ахнул.

Он с болью смотрел на эту прядь... нет, на целый локон!

И этот локон оказался у него в руках.

Сердце Цзинчжэ сжалось ещё сильнее.

— Если хотел дать, мог бы сначала сказать. Я не жадный, мне бы и чуть-чуть хватило, — пробормотал он, ища, куда положить драгоценный локон.

Жун Цзю молчал.

Не похоже было, что ему не нравится.

Наоборот, Цзинчжэ был в восторге.

Он осторожно убрал волосы и посмотрел на Жун Цзю с распущенными волосами...

И замер.

Он никогда не видел его таким.

Внешность Жун Цзю была изящной и красивой, но его высокий, атлетичный стан и холодный, суровый нрав создавали ощущение... остроты, словно можно было пораниться.

Но с распущенными волосами, то ли из-за их шелковистости, то ли из-за пристрастия самого Цзинчжэ, он казался мягче, чем когда-либо. Словно растаял холодный снег, ожила каменная статуя...

Он неосознанно подошёл ближе, провёл пальцами по тёмным прядям и тихо спросил:

— ...У тебя волосы растрепались. Расчесать?

Жун Цзю не ответил, но когда Цзинчжэ подтолкнул его к стулу, он не сопротивлялся.

У Цзинчжэ, конечно, не было медного зеркала, только маленькое, в котором едва можно было разглядеть отражение.

Он усадил Жун Цзю, смёл осколки с пола, принёс гребень и масло и принялся расчёсывать его волосы.

Он не умел делать сложных причёсок, но просто закрепить головной убор мог.

Закончив, Цзинчжэ был очень доволен.

Он так долго гладил его волосы!

Жун Цзю иногда не понимал странных пристрастий Цзинчжэ. Он обернулся.

— Этого достаточно, чтобы ты был счастлив.

— А что ещё нужно? — Цзинчжэ, помня наставления Жун Цзю о жадности, поспешно добавил:
— Этого хватит.

Тот щелчок ножниц до сих пор отдавался болью в его сердце.

Расчёсывая волосы, он нащупал место среза и покачал головой. Ещё раз — и он бы умер от горя.

Жун Цзю, не обращая на него внимания, подошёл к кровати.

Цзинчжэ с любопытством последовал за ним, наблюдая, как тот... а, он хочет взять ту самую одежду... что? Зачем она ему?!

Цзинчжэ схватил его за руку.

— ...Ты ведь не собираешься её забирать? — с трудом выговорил он.

— Этот размер... ты что, для себя шил? — неторопливо спросил Жун Цзю.

— ...Ну, я ещё вырасту, — брякнул Цзинчжэ.

На самом деле, он не рос с восемнадцати лет.

Эх, это была его больная тема.

— Ты шил это для меня.

Прямо в точку.

— Но это... неудачный экземпляр, некрасивый. Я не отдам тебе такую вещь, — понуро ответил Цзинчжэ.

К тому же, он уже носил её, как можно теперь дарить?

— Я хочу это, — сказал Жун Цзю.

И многозначительно посмотрел на большой сундук.

— И то, что готово, тоже хочу.

Цзинчжэ с досадой понял, что Жун Цзю знает, где спрятана вторая вещь.

— Откуда ты всё знаешь?!

Проклятье!

— Цзинчжэ, я не такой, как ты, — медленно, с лёгкой насмешкой, произнёс Жун Цзю. — Я

должен знать всё.

Всё понимать, всё контролировать.

Ничто не должно быть скрыто.

Он не любил этого и не позволял.

***

После долгих препирательств Цзинчжэ всё же проиграл.

Он смотрел, как Жун Цзю уносит его бельё, и с воем катался по кровати.

Вошедший Хуэйпин испугался, а потом рассмеялся.

— Ты чего?

Цзинчжэ, с растрёпанными волосами, сел.

— Хуэйпин, я встретил извращенца, — с несчастным видом пожаловался он. — Кто же забирает ношеную одежду?!

Разве это не странно?

Станный поступок совершил Жун Цзю, но почему-то стыдно было ему. А тот говорил об этом так спокойно, словно о чём-то обыденном, и легко увёл его в сторону.

Мол, это всё равно предназначалось ему. Ух, какой негодяй!

Одежда ведь даже не по размеру. Как он её носить будет?

Цзинчжэ надул губы. А если порвёт, неужели этот зловредный Жун Цзю... ещё и потребует возмещения?

При мысли о том, что одежда, которую он носил, будет касаться кожи Жун Цзю, в груди вспыхнул странный жар.

Он закрыл лицо руками. Горячо.

Странно.

Почему щёки так горят?

Он приложил к ним тыльную сторону ладони.

И испугался собственного жара.

Хуэйпин, глядя на него, рассмеялся ещё громче, утешил его парой слов и вышел.

Цзинчжэ ещё немного посидел на кровати, переживая, а потом, вспомнив, достал шкатулку.

В ней лежали волосы, срезанные Жун Цзю.

Волосы — дар родителей.

Отрезание волос было даже видом наказания.

Поэтому, когда Жун Цзю так решительно и внезапно сделал это, Цзинчжэ был шокирован.

Он подпёр подбородок рукой и некоторое время смотрел на них, потом коснулся своих сухих, желтоватых волос и тихо вздохнул.

Это нехорошо. Кажется, он...

Всё больше и больше влюбляется в Жун Цзю.

Тот только ушёл, а он уже скучает.

Ночью Цзинчжэ долго ворочался. Едва заснув, тут же просыпался.

Так повторялось несколько раз.

То ли от волнения, то ли ещё от чего-то, он чувствовал беспокойство во всём теле, было неудобно, как ни ляг.

Он никогда не испытывал ничего подобного.

Ладони горели, тело обмякло.

Словно муравьи ползали по коже, щекотно.

Но при этом не было слабости, наоборот, хотелось встать и размяться.

Он перевернулся на другой бок, задел что-то и тихо ойкнул. А потом замер.

Он, словно увидел призрака, до боли сжал одеяло. Медленно, почти не дыша, он приподнял край ткани... и судорожно втянул воздух.

Его гриб... вырос

<http://bllate.org/book/16993/1586408>